

**ЛАБОРАТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО АКЦИОНИЗМА: СТРАТЕГИИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ**

Бехметьева Л.Ю.,

научный руководитель д-р филол. наук, профессор Говорухина Ю.А.

Сибирский Федеральный Университет

Поэтический акционизм в широком смысле можно определить как эстетическое явление, генетически восходящее к античной декламации, в том её изводе, который был тесно связан с театральным перформансом, а также к модернистским литературным практикам: дадаизму, сюрреализму и более позднему шозизму. Под поэтической акцией при этом понимается «вторжение радикального художника на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом, провоцирующим власть реагировать, а зрителя – думать» [5]. Это понимание современной поэтической акции особенно сближается с постоянными провокациями дадаистов самих себя и окружающих, призванными «расшатать» рамки обыденного сознания и «вытащить человека из гетто привычных вещей и предсказуемых связей» [Там же]. В рамках работы Лаборатории Поэтического Акционизма были разработаны и приведены в исполнение ряд уличных акций прямого действия, трансформаций городской среды (под которыми понимаются пространственные действия и композиции), интервенций в различные закрытые помещения (галерея, супермаркет) и перформансов. Поэты Лаборатории (Павел Арсеньев, Дина Гатина и Роман Осминкин) регулярно участвуют в уличных чтениях, устраиваемых совместно с различными самоорганизованными инициативами. Есть у Лаборатории и своя документация, которая «существует в форме видеозаписей, фотографий, текстов задействованных стихотворений и текстов листовок, распространяемых во время некоторых акций», и в максимально исчерпывающем виде представлена на сайте организации [3].

Являясь, несомненно, актуальным направлением современной поэзии, Лаборатория Поэтического Акционизма как рабочее объединение поэтов, художников и философов ставит своей целью «разотчуждение повседневности через насыщение городского пространства поэзией» [Там же].

Понятие «отчуждение» здесь используется в интерпретации Э. Фромма, который считал, что в современном обществе «отчуждение становится почти всеобъемлющим. Оно пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется, распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого <...> человек становится чужим самому себе. Он как бы “остраняется”, отделяется от себя» [4, с. 230]. Описанные тенденции в России носят особенный характер, что обусловлено как недавним историческим прошлым страны, так и ментальностью населения.

Мотивы социального отчуждения, подчас принимающего форму изоляции, а также «паралича политической воли» в большей или меньшей степени являются сквозными в творчестве поэтов Лаборатории, но наиболее ярко они проявились в поэтическом сборнике П. Арсеньева «Бесцветные зелёные идеи яростно спят». Актуальными художественными фиксациями социального отчуждения, характерного для общества «постсоветской формации», можно считать такие тексты Павла Арсеньева, как «Религия – это стоматология», «Поэма товарного фетишизма», «Поэма солидарности (она же разобщенности)», где уже в самом названии заложена антитеза существования современного человека, бытование в модусе шизофренической раздвоенности:

Возвращайтесь в аудитории,
они защищены от сумбура улицы -
бесподобной-архитектурой-модерн-фасадом,
Защищены от всей этой глупости и насады. <...>
Только в аудиториях священное
исследовательское негодование
можно будет без утечки направить
на подробное описание всех нарушений и поправок.
Состроить немой упрёк системе.
Не мой и ничей, ведь все мы,
в сущности, не так уж и негодуем,
возвышая свой голос лишь до немоты упрёка<...>
Возвращайтесь в аудитории,
они защищены в том числе от подобного рода провокаций.
В них всегда найдется мудрый модератор,
ответственное лицо,
чья широкая либералистская душа,
и вы тоже его поймите, не сможет все ж простереться
до постановки вопроса о собственной легитимности.

После распада СССР коллективная идентичность уже немыслима в прежних своих формах, человек остаётся наедине с самим собой и необходимостью определения своего места в изменившихся социокультурных обстоятельствах. В результате возникает то, что З. Бауман называет «всепроникающим ощущением утраты контроля над настоящим» [1, с. 67], что, по его мнению, ведёт к параличу политической воли и утрате веры в то, что коллективным образом можно достичь чего-либо существенного, а солидарные действия способны внести решительные перемены в состояние человеческих дел.

В чём же видит поэт причины разобщённости и асоциализации (дезадаптации)?
На всякий пожарный следовало бы
сигнализацию встроить и в тело.
Ведь пожар в одной голове
всегда может перекинуться на другую,
И тогда полыхнет весь город.
Для этого-то и нужны -
качественная изоляция индивидов,
система пожарной тревоги,
самый простой телефонный номер,
также вероятно, призванный напоминать об одиночестве
и невозможности солидарности.

«Качественная изоляция индивидов» для поэта – не только опасный симптом, но и следствие «системы пожарной тревоги» как некоего набора властных стратегий и институтов установления тотального контроля за общественным сознанием. В сферу социальных институтов, ответственных за установление контроля, попадает и церковь, в последние годы активно стремящаяся срастись с институтом государства и проводящая агрессивную политику клерикализации общества.

<...> Итак: Религия – это Стоматология.
Она настаивает на ежедневном отправлении культа –
утром после еды и вечером перед сном.
Также полагается два раза в год показываться
специалисту для профилактического осмотра.

Она уверяет, что вы все равно обратитесь к ней,
особенно, если слишком долго были беспечны.
И вы действительно начинаете чувствовать,
что все окружающее лишь суета сует,
что мир, расположенный за границами полости рта,
иллюзорен, что его как бы нет.

Что вы совсем запустили самое дорогое
(а этот сервис и вправду недешев),
ведь что бы ни говорили,
каждый из нас умирает наедине со своими
зубами.

И каждого из нас на Страшном Приеме спросят,
заботился ли он об их спасении,
а как нет, то ему уже поздно будет взывать к *deus ex bor-machina*.

Посредством перекодирования культурных символов и построения исторических аналогий в текстах П. Арсеньева дискредитируются тоталитарные стратегии властного дискурса, а смысловым центром оказывается категория свободы, в том числе и свободы высказывания, которая поэтом понимается как высшая ценность, традиционно подавляемая властным дискурсом. Арсеньев выстраивает тексты как многоуровневые метафоры. В этом смысле пространственный образ стоматологического кабинета поэмы «Религия – это стоматология» семантически уравнивается с образом учебной аудитории из «Поэмы солидарности» как места ретрансляции застывших, изначально заданных смыслов и выполняет роль «пространства ментальной модерации» масс, модификации их сознания, а образ стоматолога сближается с образом «мудрого модератора», как архетипическим образом «властителя и спасителя», почти мистическую тягу к «сильной руке» которого знает литература.

Другие в пространстве аудитории вне проблемы идентичности, которая предполагает ситуацию активного выбора. Нерелефлирующая масса за стенами аудитории для поэта – отчуждённые Другие, которых объединяет лишь пространство топоса, а не идеологии. Они избежали опасности экзистенциального выбора, но их сознание запуталось в сети внедрённых идеологических конструктов. Всё это встраивается в единую систему, ответственную за формирование общественного сознания, в ситуации активного противостояния которой находится поэт.

Процессы «замирания» политической активности описывает в статье «Расплывающиеся острова» и социолог культуры Б. Дубин, говоря о том, что перед нами сейчас Россия, которая пытается адаптироваться к окружающему строю, продолжающему распадаться и что этот процесс, который можно более точно квалифицировать как процесс «понижающей адаптации», заключается в снижении требований как к окружающей реальности, так и к самому себе. Человек словно бы уговаривает символического Другого и себя: «А что, и так неплохо, что нам, больше всех надо? Лишь бы войны не было», при этом пытаясь оправдать и своё индивидуальное бессилие: «Я что ли всю эту кашу заварил? Я вообще к этому никакого отношения не имею. Меня здесь нет и не бывало, у меня алиби». Эта новая антропологическая конструкция социальной жизни, «конструкция взаимодействия без действия, самоопределения через отсутствие – алиби» [2, с. 257] представляется очень важной при осмыслении механизмов самоидентификации современного человека.

Посредством механизма негации, или отрицания, в модусе противостояния, борьбы с вышеописанными социальными конструктами прорисовывается и

идентичность современного поэта как человека с активной гражданской позицией, реализующего свою причастность, «не-алиби» в мире.

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. – М.: НЛЮ, 2010. – 345 с.
3. Лаборатория Поэтического Акционизма. Режим доступа: <http://poetryactionism.wordpress.com>
4. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1966. №1. С.230-233.
5. Цветков А. Художественный авангард и социалистическая реклама. Режим доступа: <http://rksmb.org/get.php?1631>.